

**СУБЪЕКТИВНОЕ
 МНЕНИЕ**

В современном состоянии нашего искусства мне хотелось бы обратить внимание на новый по сути жанр, появление которого почему-то просмотрела и критика, и литература, и искусствоведение, он как бы ускользнул от их внимания. Я имею в виду экранную литературу, предназначенную для воспроизведения на кино-, теле-, видеоэкранах. А ведь это теперь такой же самостоятельный жанр, как и драматургия.

**«...НО
 ВЕЛИКОЙ
 КНИГИ
 НЕТ»**

В сфере экранной литературы работает целый ряд интересных мастеров, создающих произведения, — я это еще раз хочу подчеркнуть — принципиально отличающиеся от литературы, которую я назвал бы письменной.

Экранная литература обладает своими собственными, своеобразными жанровыми методами и средствами воздействия на ум, волю, чувства зрителя. Особенно я хочу отметить специфику видеофильмов. Дело в том, что при просмотре кино- и телефильма внимание зрителя подчинено заданному темпу, ритму, оно как бы скользит за ним, осмысливая происходящее на экране подчас после просмотра фильма. Совсем иное дело видеофильм.

Здесь зритель наедине с экраном, как он бывает наедине с книгой. Он может по своему желанию задержать, остановить движение ленты, даже вернуться назад и просмотреть привлекшие его внимание кадры, поразмыслить над ними, перечувствовать их заново.

Восприятие видеофильма может быть поэтому намного глубже, полнее, взволнованнее. И с развитием кино-, теле- и особенно видеоискусства воздействие его на человека, на формирование его духовного мира, его отношения к жизни будет возрастать и приобретать все большее значение. Многое здесь, конечно, зависит от режиссера, от игры актеров, от искусства оператора. Но первоосновой для них всегда будет сценарий, то, что я называю термином «экранная литература».

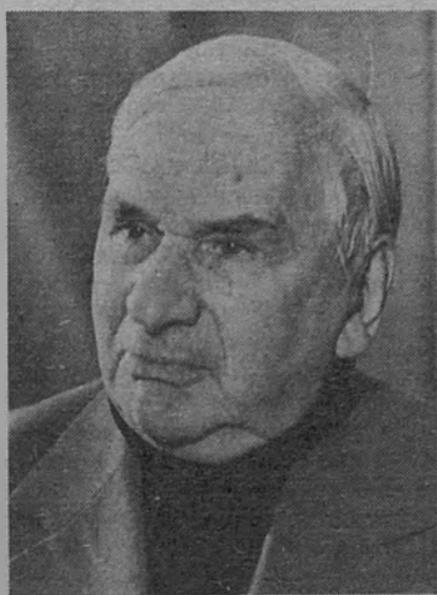
Яркий, глубокий, волнующий спектакль немислим без хорошей пьесы, то есть без хорошей литературы, составляющей основу театра. Точно так же не может быть хорошего кино-, теле- и видеофильма без добротного, глубокого по мысли, яркого и страстного по заложенным в нем чувствам сценария. Именно поэтому экранная литература нуждается в заботливом и внимательном анализе, чтобы растить и развивать все лучшее, глубокое, яркое, страстное, что столь необходимо современному зрителю, особенно молодому, для формирования его духовного облика, облика человека, которому жить и действовать в XXI веке. И хочется, чтобы он вошел туда во всеоружии нашего опыта, взяв все положительное и не повторяя наших ошибок и заблуждений.

В этой связи я хотел бы сказать и о том, что сейчас более всего привлекает мое внимание в литературе нынешнего дня. Я,

конечно, как и все в нашем обществе, с большим интересом и волнением читаю то, что появляется в наших журналах, — все те произведения, которые долгое время пролежали в столах писателей, были под запретом. Литература эта, понятно, неравноценна.

Одни писатели рисуют жизнь более глубоко и ярко, другие делают это менее удачно с точки зрения художественной формы и художественной правды. Но тем не менее все они вместе воссоздают картину жизни нашего общества, и это, повторяю,

**Евгений
 ГАБРИЛОВИЧ,
 кинодраматург:**

очень важно для полноты ее освещения. Без этих произведений наша культурная, наша духовная жизнь была бы неполной. Многие из этих произведений, создававшиеся авторами порой без надежды на публикацию при жизни, стоят несравненно выше, чем иные широко признанные нашей критикой и даже увенчанные разного рода наградами.

Основную задачу искусства я вижу в интенсивном пути его развития. Я разумею под этим глубокое исследование современного человека — его дум, чаяний, чувств, его духовного облика, движений его души в связи с теми проблемами, которые ставит перед нами современная жизнь. А наша литература, литература подходящего к концу XX века, к сожалению, не дала нам такого глубокого проникновения в душу человека, как это сделала русская литература XIX века. Есть хорошие, глубокие книги, но великой книги пока, к сожалению, нет.

Что касается моей работы, то пишу сейчас произведение, жанр которого сам затрудняюсь определить. Сюжетная канва проста и вечна, как мир: он любит ее, она любит другого. Но на эту канву накладывается мой жизненный опыт, мои раздумья о жизни, воспоминания о встречах с друзьями и встречах случайных, но чем-то запавших в душу, споры, диалоги, беседы, наблюдения, отдельные штрихи. Это не дневник, не записная книжка, а раздумья о жизни, обо всем виденном и пережитом. Своего рода поток чувств и мыслей, которые я, однако, стремлюсь организовать.

В этой книге найдут отражение мои встречи со многими людьми моего поколения и, в частности, с писателем, в течение многих лет незаслуженно отодвинутым в тень, — Василием Гроссманом, вторая книга которого об Отечественной войне только что стала полностью достоянием читателя. Я очень рад этому. Рад за товарища по военным дорогам — мы оба были фронтовыми корреспондентами. И, читая его, я постоянно вспоминаю то, что мы вместе видели и о чем много и много было переговорено.

Труд его, как и труд многих наших писателей, долгие годы создававших произведения без надежды увидеть их в печати, был подвижническим. У меня не было таких произведений. Я не подвижник. Я не мог работать, не видя впереди осуществления своего замысла. И тем больше мое преклонение перед подвижничеством моих товарищей по перу.

Записала И. ФИЛАТОВА.